

Глава 29. Двенадцать

Нынешней ночью небо застлали плотные тучи. На улицах не было ни души, если не считать регулярных дозоров гвардии Цзинью, и такое безлюдье пришлось как нельзя кстати для Су Яня и Пэй Цзинсина.

— Погоди, — Су Янь придержал спутника за рукав.

Достав из висевшего на поясе расшитого мешочка крошечный флакончик, он вытащил пробку и капнул на ладонь немного прозрачной жидкости.

— Что это? — спросил Пэй Цзинсин.

— Слезы коровы, — отозвался даоси, занося руку над его лицом. — Закрой глаза.

Пэй Цзинсин послушно прикрыл веки. Прикосновение пальцев Су Яня отозвалось мимолётной прохладой.

— И зачем они нужны? — спросил он, открыв глаза.

— Чтобы видеть призраков, — лаконично бросил Су Янь.

Пэй Цзинсин поперхнулся. Он как раз собирался что-то сказать, но от столь будничного ответа у него перехватило дыхание. Слова застряли в горле, и он судорожно закашлялся, пытаясь перевести дух.

Су Янь с плохо скрываемым злорадством понаблюдал за его мучениями. Вдоволь натешившись, он вытащил из походного мешка просторное даосское одеяние.

— Надень, — протянул он одежду спутнику.

— А это ещё зачем?

— Меньше вопросов, просто надень, — буркнул Су Янь.

Ему было неловко признаться, что всю прошлую ночь он проспал в обнимку с этим платьем, чтобы пропитать его собственным духом.

— От тебя слишком сильно разит свирепой аурой. Это одеяние поможет её скрыть. Иначе на Призрачном рынке тебя раскусят в первое же мгновение.

Пару дней назад, глубокой ночью, даосский послушник от Государственного наставника тайно сопровождал Су Яня во дворец. Узнав от Пэй Хуайюя, где искать Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу, Су Янь твёрдо решил отправиться на Призрачный рынок, чтобы вывести всё о чудовище Раскрашенной коже.

Стоило ему заикнуться об этом Пэй Цзинсину, как уличный посол наотрез отказался отпускать его одного. Делать нечего, пришлось согласиться. За прошедшие два дня Су Янь успел запастись слёзами коровы и выпросить в Храме Высшего Таинства новое даосское платье у приятеля, чьё сложение походило на богатырскую фигуру Пэй Цзинсина. Чтобы скрыть человеческий запах спутника, всю прошлую ночь даоси проспал в обнимку с этим нарядом.

В юности лисица-оборотень уже водила его на Призрачный рынок, и тогда ни одна тварь не заподозрила неладное. Позже, когда он спросил у неё, почему так вышло, лисица объяснила: природный запах Су Яня неуловимо похож на дыхание смерти, из-за чего нечисть без долгих раздумий принимает его за своего.

А вот Пэй Цзинсин, закалённый в стычках, буквально источал тяжёлую, пугающую ауру. Другого способа приглушить её за столь короткий срок Су Янь не нашёл. Пропустить сегодняшнюю ночь означало потерять ещё полмесяца, но медлить было нельзя. Вот и пришлось прибегнуть к столь сомнительной уловке.

Разумеется, признаться в подобных деталях Су Янь не согласился бы и под страхом смерти.

За несколько месяцев жизни в Сицзине Су Янь не раз слышал, что местный Призрачный рынок открывается каждые две недели. В детстве, пробираясь туда под крылом лисицы, он был безмятежен и не ведал страха. Теперь же ему приходилось полагаться только на собственные силы, и от мысли об этом на душе становилось тревожно.

Но отступить было некуда: багровая нить проклятия на его руке уже поднялась выше локтя. Судя по скорости её роста, через считанные дни она достигнет плеча. Тогда отметина обратится змеей, вгрызётся в плоть и сожрёт его сердце — тут уж и великие бессмертные окажутся бессильны.

От этой мысли даже Су Яня передёрнуло.

Пэй Цзинсин решил, что спутник просто озяб. Он молча переступил с ноги на ногу и заслонил юношу своей широкой спиной от ледяных порывов ветра.

Глубоко вздохнув, Су Янь проверил свои запасы. Свой верный персиковый меч пришлось оставить: его светлая энергия была слишком чистой и мощной, она мгновенно выдала бы их присутствие. Вместо него даоси прихватил побольше талисманов и припрятал в рукаве одну из глазурованных жемчужин.

Впрочем, тяжёлая аура Пэй Цзинсина имела и свои плюсы: обычные призраки за версту

обходили его стороной. Даже жуткая тварь, увязавшаяся за ним со времён службы на северо-западной границе, смела лишь насыпать на него ночные кошмары. А стоило уличной страже перевести Пэй Цзинсина на ночные дежурства, как чудовище и вовсе стало держаться на почтительном расстоянии. К тому же на поясе мужчины покачивался персиковый амулет, который Су Янь вырезал лично для него. С такой защитой им не был страшен ни один злой дух.

— Пошли, — тихо скомандовал даоси.

Ровно в полночь ворота Призрачного рынка распахнулись. Густые клубы чёрного тумана медленно поползли наружу, плотной пеленой укрывая заброшенные улицы.

Притаив дыхание, Су Янь и Пэй Цзинсин смешались с безмолвной толпой нечисти и скользнули внутрь.

В Сицзине проживал почти миллион человек, а потому и нежити здесь ютилось куда больше, чем в провинции. Это сыграло искомателям на руку. Сновавшие вокруг призраки и демоны не обращали внимания на незнакомые лица. Скользнув по ним блёклыми взглядами, обитатели преисподней принимали гостей за каких-нибудь захудалых деревенских духов, впервые выбравшихся в город, и безучастно шли дальше по своим делам.

По обе стороны дороги тянулись многочисленные прилавки, за которыми стояли такие же выходцы с того света. Время от времени Су Янь незаметно дёргал Пэй Цзинсина за рукав, уводя подальше от сомнительных мест.

— Что не так? — шёпотом спросил Пэй Цзинсин.

— Вон там — живой человек, — едва слышно пояснил Су Янь. — На Призрачном рынке торгуют тем, чего не сыщешь в поднебесном мире. И порой смертные, ослеплённые жаждой наживы или отчаянием, идут на безумный риск. Они пробираются сюда, прекрасно зная: если нечисть их раскроет, то сожрёт заживо.

— И вон туда тоже не смотри! — Су Янь увёл спутника глубже в торговые ряды. — Тот торговец тоже был человеком, но сбился с праведного пути и поддался скверне. В мире живых ему больше нет места, вот он и укрылся на Призрачном рынке. Лисица сказывала: если у прилавка горит белый бумажный фонарь, значит, хозяин лавки отрёкся от человеческой сути и переродился в демона. К таким приближаться нельзя ни в коем случае.

Понимая, что даоси не шутят, Пэй Цзинсин не посмел пренебречь советом. Он послушно устоял прямо перед собой и поспешил миновать зловещую лавку по широкой дуге.

Вскоре они добрались до самого сердца Призрачного рынка, где лавки попадались всё реже. Посреди площади высился огромный свирепый якша. Сжимая в руке тяжёлый трезубец, он буравил цепким взглядом каждого проходящего мимо беса.

Пэй Цзинсин не смел вертеть головой. Скользнув взглядом по сторонам, он едва слышно спросил:

— Думаешь, Раскрашенная кожа покажется здесь?

— Раскрашенная кожа падка на земную красоту, её страсть — кожи прекрасных дев, — увлекая спутника в тень, подальше от взора якши, прошептал Су Янь. — Чтобы уберечь свои сокровища от тления, в дни, когда призрачная энергия бьёт ключом, она усаживается под старой софой и заново расписывает лица на шкурах. Давай поищем у воды. Река притягивает холодную энергию Инь, чудовище наверняка крутится где-то там.

Спустившись к воде, они пошли вдоль берега и вскоре действительно заметили молодую прелестницу. Опершись о парапет, она заворожённо всматривалась в чёрную речную гладь.

— Это Третья госпожа Шэ, — прошептал Су Янь. — Надо убираться отсюда.

Месяц назад ему уже довелось столкнуться с этой змеёй-оборотнем. Он потянул Пэй Цзинсина назад, но было поздно: госпожа Шэ обернулась и заприметила их.

Бежать было бессмысленно. Жестом велел Пэй Цзинсину оставаться на месте, даоси нацепил вежливую улыбку и шагнул навстречу:

— Доброй ночи, Третья госпожа Шэ. Как ваши дела?

— Ах, превосходно, — пропела та, кокетливо прикрыв лицо широким рукавом, из-под которого сверкнули лукавые глаза. — Какими судьбами почтенный даоси Су оказался на Призрачном рынке в столь поздний час?

— Ищу одну безделицу, — уклончиво ответил Су Янь. Доверять коварной обольстительнице он не собирался, а потому поспешил перевести разговор: — А вы, госпожа? Присмотрели себе что-нибудь примечательное?

— Ах, кругом одни лишь безвкусовые поделки, — со вздохом протянула госпожа Шэ. — Но до меня дошли слухи, что в Сицзине нынче шумно. Снова заговорили о великолепном Одевании Сотни птиц, поклоняющихся фениксу... Это невольно заставило меня предаться воспоминаниям о былых временах.

Су Янь на миг задумался, взвешивая все «за» и «против», а затем решился рискнуть:

— Неужели вам доводилось видеть это сокровище своими глазами, госпожа?

— Своими глазами — не видела, — вновь вздохнула госпожа Шэ. — В те годы слухи описывали

его как нечто невероятно прекрасное. Каждая мелкая нечисть женского пола из кожи вон лезла, лишь бы пробраться в усадьбу наследного принца и хоть краем глаза взглянуть на него, не то что примерить. Я же тогда была молода, горда и презирала эту суету. Теперь, когда мне самой стало любопытно, эта тварь Раскрашенная кожа наотрез отказывается делиться.

Су Янь принялся осторожно нащупывать почву:

— Усадьбу низложенного принца охранял даоси Вань. Пожалуй, к лучшему, что вы держались от того места подальше.

— Надо же, такой юный, а уже знаешь про даоси Ваня? — Госпожа Шэ окинула юношу оценивающим взглядом. — По твоему голосу чувствую: уж не довелось ли тебе самому отведать его силы?

Су Янь для вида нахмурился:

— Вовсе нет.

Любопытные змеиные повадки не знали границ. Заметив его секундное замешательство, госпожа Шэ лишь утвердилась в своих догадках.

— Ах, даоси Су, — заговорщически прошептала она, — вы привели с собой живого человека. Интересно, что станет с вами и этим статным господином, если я шепну словечко патрульному якше?

— Угрожать мне бесполезно, — сердито буркнул Су Янь.

Но под конец его голос упал почти до шёпота, выдавая растерянность.

Глаза госпожи Шэ хитро блеснули. Она приоткрыла рот, и между пухлых губ на мгновение показался раздвоенный змеиный язык.

— Ладно, я могу промолчать, — вкрадчиво прошипела она. — Но взамен ты окажешь мне одну услугу.

— Сжальтесь, госпожа Шэ, — сокрушённо вздохнул Су Янь.

— Я же змея, откуда у меня руки? — весело подмигнула она. — Раскрашенная кожа трясётся над этим Одеянием Сотни птиц, поклоняющихся фениксу пуще прежнего. Стащи его для меня, и твоя тайна останется при мне.

— Я даже не знаю, где скрывается Раскрашенная кожа, — с притворным сомнением протянул Су Янь. — Как же я смогу его украсть?

Взгляд змеи заискрился торжеством:

— Велика беда! Я сама укажу тебе дорогу.

Су Янь уже собирался согласиться, как вдруг припомнил одну деталь:

— Я слышал, Раскрашенная кожа никогда не упускает возможности прийти к реке во время Призрачного рынка. Мол, призрачный свет, отражаясь от воды, помогает ей точнее расписывать личины. Почему же её сегодня нет на обычном месте?

— Откуда мне знать! — недовольно фыркнула госпожа Шэ. — Я жду ответа: согласен ты или нет?

С этими словами она посмотрела за спину Су Яня и Пэй Цзинсина и задорно вскинула подбородок:

— Гляди, якша уже на подходе.

Тяжёлые шаги надсмотрщика зазвучали совсем близко. Су Янь занервничал, и слабая догадка, едва успевшая зародиться в его голове, мгновенно улетучилась.

Юноша нутром чуял неладное, но времени на раздумья не оставалось: перед ним стояла напористая вымогательница, а за спиной выросла грозная фигура стража преисподней. Он поспешно кивнул:

— Хорошо. Говорите, где её искать.

Довольно улыбнувшись, госпожа Шэ наклонилась к самому уху Су Яня и зашептала:

— Ступай на самый запад Призрачного рынка. У берега найдёшь усадьбу, где цветут огненные сальвии. Раскрашенная кожа заперлась там. Поговаривают, она без устали латает свои маски. А теперь, когда вокруг Одеяния Сотни птиц, поклоняющихся фениксу снова поднялась шумиха, она и вовсе носа на улицу не показывает.

— Благодарю за подсказку, — Су Янь вежливо поклонился, сложив ладони.

Якша подошёл почти вплотную. Не теряя драгоценных секунд, Су Янь увлёк Пэй Цзинсина за собой, свернув в узкий проулок слева и благополучно разминувшись с чудовищем.

Убедившись, что на берегу никого не осталось, госпожа Шэ неспешной, покачивающейся походкой подошла к раскидистой софоре. Вонзив острый ноготь, окрашенный соком бальзамина, прямо в макушку, она с силой провела им вниз. Затем подцепила края разорванной плоти обеими руками и одним плавным, скользящим движением содрала с себя человеческую кожу, словно мокрое платье.

— Су Янь... Хе-хе, глупый мальчишка, а ведь сколько о тебе разговоров, — прохрипело обнажившееся чудовище.

Без маски благородной дамы перед деревом предстало неописуемо мерзкое отродье. Под содранной кожей скрывалась сочащаяся сукровицей багровая плоть и зеленоватое лоснящееся лицо. Оскаленная пасть, усаженная рядами острых пилообразных зубов, внушала куда более глубокий ужас, нежели облик любого якши.

Бестия извлекла откуда-то тонкую кисть и принялась бережно подрисовывать брови на содранной маске, приговаривая:

— Мы ведь никогда не переходили друг другу дорогу, сестрица. Зачем же ты позарилась на моё сокровище? Одеяние Сотни птиц, поклоняющихся фениксу... Неужели ты всерьёз надеялась, что я отдам его тебе? Что ж, теперь это неважно. Отныне я сама стану Третьей госпожой Шэ.

— Так Одеяние Сотни птиц, поклоняющихся фениксу действительно у тебя?

Услышав за спиной чужой голос, Демоница мгновенно развернулась и метнула кисть, словно острозаточенный дротик.

Какая-то женщина стремительно извернулась, чудом уклонившись от удара. Острый кончик кисти задел её капюшон и сбил его на спину, явив миру водопад вьющихся золотых волос.

Разглядев лицо незваной гостьи, демон-Раскрашенная кожа мгновенно сменила гнев на милость. Её глаза плотоядно блеснули:

— Какая редкая красавица!

Будь здесь Су Янь или Пэй Хуайюй, они без труда узнали бы в этой златовласой и голубоглазой деве ту самую плясунью в жёлтом платье из заезжей труппы хусцев.

Нынче на ней было простое чёрное платье. Едва переводя дыхание, девушка требовательно спросила:

— Я слышала твои слова. Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу действительно у тебя, верно?

— Даже если и так, что с того? — Перед истинной красотой Раскрашенная кожа всегда проявляла необычайную мягкость и терпение.

Хуская дева поспешно склонилась в глубоком поклоне:

— Это одеяние принадлежало моей покойной тётушке. Для моего народа оно бесценно. Умоляю, верни его мне!

— Вернуть? — издевательски протянула Раскрашенная кожа. — Всё, что попадает ко мне в руки, становится моим. С какой стати мне делиться?

— Я готова обменять его на любую другую ценность! — поспешно воскликнула девушка.

Демоница медленно окинула девичью фигуру плотоядным взглядом с ног до головы, после чего благосклонно кивнула:

— Что ж, мысль неплохая. Я владею этим Одеванием Сотни птиц, поклоняющихся фениксу уже больше двадцати лет и, признаться, оно мне изрядно наскучило.

Почувствовав надежду, хуская дева торопливо спросила:

— И чего же ты хочешь взамен?

Раскрашенная кожа впиалась пристальным взором в её лазурные глаза, и на её лице расплылась кровожадная ухмылка:

— Мне нужна твоя кожа.

— Что?! — в ужасе отшатнулась девушка.

Демоница издевательски хмыкнула:

— Всего-то какая-то шкурка, а ты уже попятилась. Выходит, не такое уж это одеяние для тебя и ценное, а все твои речи — сплошное враньё. Вы, люди, горазды красиво петь, а как доходит до дела, трусливо бежите прочь, сверкая пятками.

— Это платье священо! — в отчаянии воскликнула девушка. — Мой отец, моя мать, мой младший брат... они все погибли из-за него!

Раскрашенная кожа равнодушно достала другую кисточку и вернулась к маске госпожи Шэ:

— Ваше учение гласит: «Тело и кожа — великий дар родителей». Если твоя семья действительно сгнула ради этого куска шёлка, почему бы тебе не расплатиться кожей, которую они тебе подарили? Подумай сама: сокровище-то у меня.

Чудовище не знало всей правды, но его циничные слова ранили девушку в самое сердце.

Согласно обычаям её племени, усопших надлежало предавать земле исключительно в пределах Священной обители. Только так их души могли очиститься и обрести вечный покой в небесных куцах. Тех же, кто оставался лежать на чужбине, объявляли отступниками. Их ждало суровое проклятие богов и бесконечные посмертные муки.

Девушка посмотрела на демона долгим, полным решимости взглядом:

— Сначала отдай мне Одеяние Сотни птиц, поклоняющихся фениксу, и тогда я позволю тебе забрать мою кожу.

Раскрашенная кожа нравоучительно покачала пальцем:

— Ну уж нет. Среди смертных слишком много лжецов, веры вам нет. Вот когда я сниму с тебя эту чудную шкурку, тогда и отправлю Одеяние Сотни птиц, поклоняющихся фениксу твоим соплеменникам.

— Если ты не веришь мне, то почему я должна верить тебе? — возразила хуская дева. — Отней мне Одеяние Сотни птиц, поклоняющихся фениксу. Я вручу его старейшинам рода и тотчас вернусь к тебе.

— К чему эти пустые споры? — вздохнула Раскрашенная кожа.

Она отложила кисть и на глазах у ошеломлённой гостьи вновь натянула на себя кожу Третьей госпожи Шэ. Разгладив складки на лице, она ласково улыбнулась:

— Давай найдём того, кто скрепит наш уговор нерушимой клятвой. Соглашайся. Я и так проявляю неслыханную щедрость лишь потому, что пленилась твоей безупречной красотой. Учти: если упустишь эту ночь, завтра я могу передумать. Хорошенько всё взвесь.

Девушка замерла в глубокой нерешительности. В её душе бушевала буря. Предсмертные стоны близких безумным набатом стучали в ушах, а перед глазами с пугающей отчётливостью вставали лица погибающих сородичей.

И всё же долг перед родом оказался сильнее страха смерти. Священное одеяние перевесило

чашу весов.

Хуская дева поспешно успокоилась. Её лицо утратило всякое выражение, а ярко-голубые глаза подёрнулись безжизненной дымкой:

— Хорошо. Но сначала я должна лично увидеть Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу.

— По рукам, — лже-госпожа Шэ довольно ухмыльнулась.

<http://bllate.org/book/18419/1865075>